

Mariya Bulgarova*

Языковые и литературные факты как свидетельства этногенетического родства ногайцев и литовских татар: предварительные наблюдения

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/LC.2020.017>

Исследователями истории Ногайского государства особо подчеркивается активное взаимодействие ногайцев с соседними и дальними народами. Глубинные корни многовекового культурного и экономического взаимодействия ногайского народа в Евразийском пространстве находят отражение в многочисленных архивных и картографических документах, памятниках языка и литературы, позволяющих обнаруживать следы общих исторических корней тюркских народов, и

[...] предположить, что количество всех, кто надежно связан с ногайцами исторически, а порой и сохраненной семейно-родовой памятью и традицией (включая казахов – „ногайлинцев” и кочевую прежде часть башкир, „степных” крымских татар, некоторых туркмен, каракалпаков, узбеков и киргизов, крупные группы казачества – и не только русско-украинского, как и многих потомков российской и польско-литовской аристократии), может заметно превышать на планете сотни тысяч, даже достигать в миллион и более человек (Wiktorin 2007: 169).

* Мария Булгарова

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ногайского отдела Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, специалист по ногайской лингвистике.

E-mail: mbulgarova@yandex.ru | ORCID: 0000-0002-7967-1151.

В свое время ученым Сафаргалиевым Магаметом Гарифовичем, которому, по определению Трепавлова Вадима Винцеровича, „принадлежит мировой приоритет в монографическом изучении кочевой империи ногаев” писал:

Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с „татарским игом”, историю крымских и поволжских татар, башкиров, узбеков, казахов и каракалпаков – мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны (цит. по Triepawłow 2001: 10–11).

Известно, что отношения между Ногайской Ордой и Великим княжеством Литовским начинали складываться в начале XIV века. В начале XV века Эдиге еще воевал с Витовтом (Витаутас) и лишь незадолго до смерти заключил мир со своим давним врагом. Он писал:

Князь светлый! В трудах и подвигах славы застигла нас с тобою унылая старость. Посвятим миру остаток наших дней! Пролитая кровь давно всосалась в землю, слова злобы и обид унесены ветром, пламя войны выжгло горечь в наших сердцах, а годы погасили пламя. Пусть же водами мира зальет пожары наших будущих войн! (Emir 2005: 10).

Западные отношения Ногайской Орды, ногайский компонент в истории Великого княжества Литвы в исторической науке не подвергались специальному исследованию. В изучении языка литовских татар базовой следует назвать труды Ананьяша Зайончковского, Владзимежа Зайончковского, Эдгем Рахимовича Тенишева, Хенрика Янковского, Александра Дубинского, Энвера Мамута, Галины Мишкинене и др.

Э. Р. Тенишев, опираясь на исследование В. Зайончковского, предлагает материалы, свидетельствующие о сохранности родного языка той части татар (литовских татар, утративших родной язык на протяжении XV–XVI вв. – М.Б.), которая переселилась в Добруджу (Румыния) в начале XIV века и Бурсу (Турция). Ученый, тщательно проанализировав систему языка добруджинских татар, сравнив фонетические, морфологические формы частей речи, пришел к заключению, что „язык татар Добруджи, несомненно, принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков”. И „... что язык тюркского населения Добруджи близко стоит к акногайскому диалекту, но по дополнительным признакам (примеси турецких элементов) ближе всего он находится к крымско-ногайскому диалекту (по терминологии Ю. И. Каракаева)” (Tieniszew 1997: 7). Данный вывод ученый подкрепляет образцами живой речи татар Добруджи из той же книги В. Зайончковского, где поговорки, частушки, бейити без сомнения записаны у ногайцев, носителей акногайского диалекта. Далее, благодаря долгожданной встрече и общению с жителями Бурсы в Анкаре, утвердился во мнении, что там есть тюрки с заметно отличающимся от турецкого языком. „А сообщение о том, – далее пишет Э. Р. Тенишев, – что прошедшее время у них с формантом –*γan*, показало, что это, без сомнения, кипчаки (татары, ногайцы)” (ibid.).

Исследование языка татар Литвы, Польши, Беларуси с привлечением материалов кыпчакского населения Бурсы (Турция), селений Кызыл-Ирмак, которые, по определению Э. Р. Тенишева „оказались в положении единственных носителей-наследников родного языка”, а также с использованием материала ногайских селений Турции

и исследований ногаеведов-лингвистов России, на наш взгляд, даст возможность исследователям внести ясность в определении отношения ногайского языка к языку литовских татар, который ими был утрачен 400 лет назад. Несомненно, идея ревитализации языка литовских татар, выдвинутая Э. Р. Тенишевым оптимистична и возможна, если учитывать возможности современных технологий, но в этом деле важнее стремление и желание самих потомков первопоселенцев-носителей тюркского языка на территории Польши, Литвы, Беларуси.

В статье, которую мы обозначили, как предварительные наблюдения, в сопоставлении и сравнении рассматриваются религиозная терминология, сюжетные соответствия, персонажи, бесплотные силы, запечатленные в топонимических легендах ногайцев и в славяноязычных религиозных текстах литовских татар.

В качестве материала использованы ногайские топонимы, имеющие в своем составе религиозные термины, легенды и предания, а также материалы из исследований, посвященных славяноязычным религиозным памятникам литовских татар (Miškinienė 2005: 33–43). Топонимическая, антропонимическая картины мира отражают культурно-философское восприятие жизни любого этноса, его мировосприятие, мировоззрение, сохраняя историческую память, память о предках, роде, племени, о миграции. Контактная и взаимодействующая, проживая бок о бок с славяноязычными народами, тюрки-мусульмане Литвы, представители разных племен и народов из Золотой Орды, в том числе ногайцев, на протяжении двух веков (XV–XVI) постепенно стали терять самостоятельность исторического языка, и единственным связующим звеном и защитным барьером национальной культуры оказалась религия, что отмечается исследователями истории, языка татар-мусульман Литвы, Польши, Беларуси.

Особенности культурного наследия литовских татар следует искать в славяноязычной арабографичной письменности, оригинальной культовой архитектуре, сохранившемся фольклоре, самобытных традициях и обычаях. Культура литовских татар тем или иным образом была связана с их религией – исламом (Miškinienė 2016: 41–46).

Tatarlarları, Litvanyalılardan ve diğer azınlıklardan ayıran özellikler aradan asırlar geçtikçe azalır ve bunların çoğu eriyip kaybolur. 18. yüzyılda Tatarların yabancı özellikleri sadece dinde ve bazı adetlerde görülür. Sunni Müslüman olan Litvanya Tatar Türkleri, Hanefi mezhebine bağlıdır. Oruç, Cuma namazı en canlı ibadetleridir (Güllüdağ et al. 2008: 20–21).

Несомненно, мусульманские святыни, общая религиозная терминология, мировидение, мировосприятие, все, что связано с религиозными, народными праздниками, традициями, обычаями объединили тюркские народы постзолотоордынских ханств, принявших ислам, и, как в случае с литовскими татарами, способствовали сохранению национальной культуры.

При правлении Эдиге (XIV–XV вв.) официальной религией в Ногайской Орде утвердился ислам суннитского толка (ханафитского мазхаба). Назовем „опорные понятия” ислама, используемые и литовскими татарами, и ногайцами, живущими ныне в России. *Коран* в ногайском народе называют также *Китан*. В каждой ногайской семье имеется *Коран*. Он хранится и передается из поколения в поколение. На Коране произносятся клятвы. *Хамашлы* представляют собой небольшие сборники молитв на арабском языке, которые обязательно вручались отправляющемуся в дальнюю дорогу

или на войну человеку. Назовем часть наиболее употребительных религиозных терминов у современных ногайцев: Алла – Всевышний, аруак – дух предков, аулие – святой, дуа – молитва, дин – религия, еннет – рай, земзем – источник священной воды в Мекке, иман – вера, куьна – грех, Коран/Китап – Святая Книга Коран, курман – жертвоприношение, мешит – мечеть, мусылман – мусульманин, намаз – молитвы, совершаемые пять раз в день, ораза – ураза, пост у мусульман в течение месяца, пайхамбар – пророк, парыз – долг, периште/маьлек – ангел, садака – благодарственная жертва, саван – благодарение, хадис – изречение пророка, шарият – свод законов о правилах поведения и обязанностях мусульманина и т.д.

Опорные понятия ислама и культовые слова и святыни литовских татар: *китаб*, книга, в которой имеется свод предания о жизни и деятельности пророка Мухаммеда, описания обрядов и ритуалов, а также основных обязанностей мусульман, нередко также библейские легенды; *хамайлы*, сборники молитв на арабском и старотурецком языках, а также советы по лечению болезней при помощи молитв, толкования снов; *теджвиды* излагают правила чтения арабского текста Корана; *тефсиры* представляют собой Коран на арабском языке с подстрочным переводом (пересказом или комментарием) на белорусский или польский языки (Mişkiniene 2005: 34–35). В славяноязычных арабографичных памятниках письменности литовских татар сохранилась религиозная терминология, которая использовалась ими и до поселения в Великом княжестве Литовском, и которую они продолжают использовать в настоящее время в повседневной жизни в процессе проведения религиозных обрядов, мероприятий: *Peugamber Muhamed, cennet, huri, huriler, Tanri, Merhemetli, bayram, namaz* и др.

В ногайской топонимии заметный пласт составляют исторические географические названия, восходящие к культовым словам мусульманской религиозной терминологии. Даже в периоды отчуждения ногайского народа от религии (начало XX – до 80-х годов XX вв.), давно и прочно укоренившиеся в сознании народа основы ислама, его святыни сохранялись и почитались, оказывали определенное влияние на социальную организацию общества и его культуру. В народе сохранялась вера в сверхъестественные силы, в существование демонических существ – *джинов, демонов, добрых и злых духов*. Представления народа о сверхъестественных существах, их названия сохраняются как в составе исторических названий географических объектов, так и в сказках, и былях, в топонимических легендах, преданиях: *дев, шайтан, иблис, йин/жин, пери*. По данным религиозных памятников литовских татар: а) арабописьменных старых тюркских литературных языков (хорезмско-тюркского, чагатайского, староосманского); б) арабскоалфавитных славяноязычных, находят отражение сверхъестественные существа, бесплотные существа: *девлер (демоны), пери, джины, ангелы и демоны* и др. И у современных ногайцев России, и у литовских татар сохраняется вера в общие для мусульман средства спасения от демонов, джинов, шайтанов, как чтение молитв, стихов из Корана, ношение амулетов, произнесение слова „Бисмилла”.

Примеры из ногайской топонимии, связанные с религиозными воззрениями народа, с верой в существование сверхъестественных сил, бесплотных сил: *Шайтан шыккан* „/Где/ черт вышел”, *Йиннинъ казаны авган ер* „Местность /место/, где был опрокинут котел джина”, *Бес сеит оьлик* „Пяти святых усопших кладбище”, *Намаз тоьбе* „Намаза курган”, *Байхамбар ындыр* „Пророка Мухаммеда ток” и др. Проходя мимо этих объектов, каждый мусульманин должен был читать молитву, произносить

„Бисмилла” во имя спасения от действий сверхъестественных существ. В названиях культовых мест нередко определением выступает прилагательное *ак* „белый”, в со- ставе топонимов в значении „священный”, „святой”: *Ак мезар* „Святое кладбище”, *Ак мешит* „Святая мечеть”, *Ак тас* букв. „Белый камень” (здесь: в значении „Священный камень”), *Ак кая* „Священная скала”, *Ак бебей тоьбе* букв. „Белого ребенка курган” (здесь: в значении „Чистого, безвинного ребенка курган”). По преданию, у кургана со- бирались в ночь новолуния и, когда появлялась луна, сделав три шага вперед и, глядя на нее, говорили: „Янъы айдай яркын эт, яс баладай минсиз эт” – „Подобно месяцу, сделай светлым, подобно младенцу – чистым /невинным/”. Этот обычай своими корнями ухо- дит в глубокую древность, когда ногайцы, так же, как и другие тюркские народы, обо- жествляли небо, луну, солнце. *Ак мезар* (букв. „Белое кладбище”) местность считается священным. В народе бытует и другое название местности – *Сын тас* „Надмогильный камень”.

Булкай тоьбе (*Булкай тебе*) „Булкая курган”, название кургана в Ногайском рай- оне Карачаево-Черкесии. О происхождении топонима в народе существует легенда, рассказывающая о любви парня из аула Нижне-Мансуровского по имени Булкай. Од- нажды вечером он поехал в соседний аул, желая встретиться с любимой. Проезжая мимо старинного кладбища, он услышал музыку. Там он увидел молодых людей, ко- торые помогли ему спешиться и провели к месту танцев. Булкай стал танцевать, с ним вышла танцевать его любимая. Устав от танцев, он попросил выпить. Ему поднесли в чаше напиток, предупредив: „Не произносите слова, которые вы обычно произно- сите перед едой”. Булкай все же сказал: „Бисмилла”. В тот же миг все исчезло. Булкай увидел, что он один в степи, а в руках у него вместо чаши отвердевший конский помет.

Йин казан авдарган ер (букв. „Местность, где джин опрокинул казан (котел)”) – местность в окрестностях ногайского аула Шобытлы (Дагестан). *Саллыбай саскан ер* „местность, где Саллыбая (черт) попутал” (аул Кумлы, Дагестан). По преданию, чело- век по имени Саллыбай здесь встретил белого всадника. Саллыбай садится на коня этого человека ... Принимает участие в конных состязаниях, но, попав в яму, падает с лошади. Очнувшись, видит – человек в белом и лошадь исчезли. А аул где-то неда- леко. Отсюда и название местности – „Где Саллыбая черт попутал” или „Местность, где Саллыбай стал одержимым”. Другое название *Шайтан минген Саллыбайдынъ ери* „Местность, где Саллыбай оседлал шайтана”.

Дальнейшие исследования в области исторических и культурных взаимоотноше- ний тюркских этносов, в частности ногайцев и литовских татар, перспективны и по- лезны в научном и общекультурном отношении.

Библиография

- Emir, Vladimir 2005. „Rus i Orda: kak eto bylo? Gl.10 Idigu i Vitovt (1396–1420)”. <http://www.istorichka.ru> [19.12.2019].
- Miřkiniene, Galina 2005. „Biesplotnyje siły w sławianojazycznych arabskoalfawitnych tiekstach li- towskich tatar”. W: Iskra Christowa-Szomowa (red.). *Meždu angeli i demoni. Międzynarodo-*

wa konferencja naukowa, Lesidren. Bułgaria, 30 sierpnia–1 września 2001. Sofia: Wydawnictwo uniwersyteckie „Sw. Kliment Ochridski”.

- 2016. „Litowskije tatarzy: k istorii pojawienija i prożywanija w Wielikom kniaźestwie Litowskom (kultura, jazyk, istoriczeskije kontakty w kontiektie nogajskoj kultury)”. W: *Nogajcy: XXI wiek. Istorija. Jazyk. Kultura. Ot istokow – k griaduszczemu*. Czerkiesk: Karaczajo-Czerkieski Uniwersytet Państwowy im. U. D. Alijewa.
- Nesrin, Güllüdağ [&] Galina Mişkiniene 2008. *Litvanya Tatarlarına ait el yazmalarından Türkçe-Lehçe kılavuz (yıl 1840). Turku-Lenku kalbu žodynėlis iš Lietuvos Totorių rankrašcio (1840)*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Tieniszew, Edgiem 1997. „Razgowornyj jazyk litowsko-polsko-bielorusskich tatar w XV–XVI ww.”. *Izwiestija Rossijskoj Akademii Nauk. Sierija litieratury i jazyka* 56, 6: 3–8.
- Triepawłow, Wadim 2001. *Istorija Nogajskoj Ordy*. Moskwa: Wostocznaia litieratura. RAN.
- Wiktorin, Wiktor 2007. „Nogajskij etniczeskij element w sostawie inych sowriemiennych tiurkskich narodow Powołżja i Priuralja”. W: *Sowriemiennoje položenije i pierspektiwy razwitija nogajskogo naroda w 21 wiekie*. Sankt-Petersburg: Pietropolis.